

Книга итальянского лингвиста Микеле Пранди вызывает интерес в первую очередь своим необычным подходом ко многим не раз обсуждавшимся в лингвистике явлениям: в одном ряду и с помощью одной теории моделируются такие привычно относимые к разным областям факты, как, например, многозначность английских предлогов *of* и *with* и интерпретация тропов. Книга состоит из предисловия и трех частей, в совокупности включающих двадцать глав.

В нескольких первых главах излагаются семиотические основания предлагаемой читателю концепции. Основной целью языкового общения является обмен сообщениями (*messages*). Значения языковых выражений – не то же самое, что передаваемые ими сообщения. Сообщение это окказиональное содержание речевого акта, основанное на массе случайных и ситуативных факторов. Грамматической конструкции соответствует реляционное кодирование, основанное на ее формальных свойствах. Значение языкового выражения создается в результате взаимодействия реляционного кодирования с другим видом кодирования – точечным (*punctual*) кодированием, воплощающим содержание связанных в языковом выражении слов. Процесс вывода (*inferencing*) применяется к значению семантически правильных языковых выражений. Значения языковых выражений являются “индексами сообщений”.

В главе 1 различие между значениями языковых выражений и сообщениями демонстрируется на примере противопоставления буквальная и небуквальная интерпретации. Понятия буквальная и небуквальная интерпретации неприменимы к языковому выражению как

таковому, вне конкретного речевого акта. Зато оппозиция буквальная/небуквальная может быть применена к отношению между значением языкового выражения и сообщением. Если сообщение, по выражению автора, принимает значение соответствующего языкового выражения, то мы имеем дело с буквальной интерпретацией. Если же значение сообщения выводится слушающим из значения индексующего языкового выражения, перед нами случай небуквальной интерпретации. Общее правило интерпретации состоит в том, что буквальная интерпретация всегда является предпочтительной для слушающего, когда она совместима с лингвистическим и экстралингвистическим контекстом. Если это невозможно, слушающий выбирает небуквальную интерпретацию. Традиционно приводимыми примерами несовпадения небуквальной интерпретации с буквальной являются метафора, гиперболы, ирония.

Сформулированное таким образом противопоставление между значением предложения и сообщением, буквальная и небуквальная интерпретацией имеет один существенный недостаток: значение сообщения, понимаемое как окказиональное содержание речевого акта (с. 1), неясно, как представить. Тем не менее, сам автор отмечает, что значение сообщений, даже являющихся результатом буквальной интерпретируемых языковых выражений, зависит от многих непредсказуемых факторов общения, таких, как интонация и жесты, владение энциклопедической информацией и процессами вывода. Если вследствие этого значение сообщения никогда не может совпадать со значением передающего его предложения, внутренне противопо-

речиво говорить о том, что в случае буквальной интерпретации значение сообщения совпадает со значением предложения.

Существенным понятием, важным для обсуждения вопроса о буквальной и небуквальной интерпретации, является осмысленность, совместимость vs. неосмысленность, несовместимость (*consistency/inconsistency*; далее для краткости осмысленность/неосмысленность) языкового выражения с другими частями высказывания и существующими у данного языкового сообщества представлениями о мире.

Чтобы описать, как индексальные языковые выражения интерпретируются в сообщении, вводится понятие поля интерпретации, основанное на понятии поля [Bühler 1934]. Поле интерпретации связано с индексальной природой языковых выражений. Простейшие индексы – это местоимения *я* и *ты*, наречия *здесь* и *сейчас*, указующий жест. Общая функция индексов состоит в том, чтобы привлекать внимание слушающего к тому, что имеет сообщить говорящий. Индексы могут отсылать к предметам и ситуациям, отсутствующим в непосредственном окружении говорящего и слушающего и даже несуществующим в данном мире.

Интерпретация лимитируется собственно значением языкового выражения и прагматическими факторами – максимами и тем, что слушающий считает ответственным речевым поведением говорящего, как представляет себе соответствие говорящего этой норме. Существенным дополнением к Грайсовским максимам общения, моделирующим поведение говорящего, должны быть, согласно Пранди, максимы, сформулированные для роли слушающего. Слушающий стремится максимизировать количество полученной новой информации по отношению к затраченным на ее получение усилиям, то есть *relevance* в смысле теории [Sperber, Wilson 1986].

Чтобы получить правильную, задуманную говорящим интерпретацию языкового выражения, слушающему необходимо соположить значение языкового выражения и значение соответствующего поля интерпретации. К сожалению, остается не вполне ясным, каковы приемы соположения значения языкового выражения и поля интерпретации и включают ли они что-то еще, кроме процессов вывода.

В главе 2 обсуждаются понятия интерпретации, вывода и контекста. Предлагается следующее понятие контекста. Контекст включает так называемый ко-текст, состоящий из выражений, соседствующих в дискурсе с интерпретируемым языковым выражением, и экстралингвистический контекст. Автор считает, что этот последний и есть, в отличие от ко-текста, настоящий и наиболее важный кон-

текст, контекст в узком смысле. Процесс интерпретации состоит из систематического вывода, основанного на постоянных концептуальных, то есть семантических, структурах, и постоянно меняющегося, “дрейфующего”, прагматического вывода.

Обсуждается несколько типов вывода – провоцируемый вывод (*invited inferences*), обогащающий вывод (*inferential enrichment*) и соединяющий вывод (*bridging inference*).

Провоцируемый вывод демонстрируется на следующем примере. В предложении *If it rains, the harvest will be lost* (Если пойдет град, урожай будет потерян) союз *if* (если), согласно Пранди, понимается в смысле равносильности, то есть так, что если не пойдет град, урожай не будет потерян. Эта интерпретация *если*, присущая, по Пранди, естественному языку, в сильном противоречащем контексте может подавляться. Это происходит в предложении *If it rains, the harvest will be lost and the same will happen if it does not rain* (Если пойдет град, урожай будет потерян, и то же самое произойдет, если не будет дождя).

Обогащающий вывод приводит к интерпретации союзов временной последовательности в смысле ‘потому что’. В предложении *John bought a new car after the old one was damaged* (Джон купил новую машину после того, как старая сломалась) слово *after* (после) кодирует отношение временной последовательности между событиями, но, кроме того, обогащается следующим выводом: Джон купил новую машину, потому что старая была сломана. Аналогично с помощью обогащающего вывода интерпретируется *with* (с) в предложении *John drove the nail with the stone* (Джон вбил гвоздь камнем) и *John drove the nail with care* (Джон вбил гвоздь с аккуратностью).

Соединяющий вывод находим в случаях типа *John cannot study law. His parents are too poor* (Джон не может изучать юриспруденцию. Его родители слишком бедны). С помощью соединяющего вывода слушающий устанавливает каузативную связь между предложениями.

При интерпретации посредством обогащающего вывода генитивных и посессивных именных групп интерпретация основывается на информации, которую Пранди считает энциклопедической. Чтобы интерпретировать выражения *John's dream* (сон Джона) и *midsummer's night dream* (сон в летнюю ночь) необходимо располагать информацией о том, что Джон лицо, которое может испытывать определенные состояния, в том числе, сон, а летняя ночь – отрезок времени, который может не испытывать состояния, а быть временной рамкой для них. Эта информация представляет собой критерии осмысленности, которыми поль-

зуются, как правило, не осознавая их, все члены речевой общности и которые независимы от случайностей речевого общения.

В г л а в е 3 рассматривается значение сложных языковых выражений. Значение таких языковых выражений не известно носителям языка. В зависимости от того, как понимается отношение между формой и содержанием, можно считать, что значение сложного языкового выражения конструируется по определенным правилам соответствующими формальными средствами или является независимой концептуальной структурой, выражаемой с помощью формальных средств языка. Наконец, можно принять ту точку зрения, как это делает Пранди, что какая-то часть значения предложения формируется грамматическими структурами, а какая-то существует независимо и лишь выражается ими.

Значение предложения – это иерархическая сеть отношений между различными ролями. В вершине этой иерархии стоит предикат, чаще всего выражаемый глаголом. Роли находятся в различных отношениях друг с другом и с предикатом. Одни роли обязательны, другие – нет. Валентности главного предиката определяют наличие или отсутствие определенных аргументов. Так понимаемое значение предложения Пранди называет процессом (process). Ему соответствует определенное положение вещей в реальном мире. Обозначаемое предложением положение вещей и значение предложения это две независимые сущности. Предложение может быть осмысленным, но не соответствовать никакому положению вещей в реальном мире.

Формируемая языком часть сложного значения основана на релеционном кодировании. Существующая независимо от формальных средств языка, выражаемая часть сложного значения основана, по Пранди, на содержании слов и выражений и соответствующем ему точечном кодировании. Точечное кодирование может иметь различные степени: полное кодирование, неполное кодирование и избыточное кодирование. Полное кодирование соответствует ситуации, когда лексическое значение слова является его значением в сообщении. Неполное кодирование – это ситуация, когда значение слова в сообщении должно быть получено с помощью процесса вывода (например, значение предлога *with* (с) в *to cut the cake with the knife* (резать торт ножом, буквально с ножом) и *to play with friends* (играть с друзьями)). Избыточное кодирование – это кодирование одной и той же информации более чем один раз: например, кодирование информации о направлении движения в предлоге и глаголе. Можно заметить, что противопоставление пол-

ного и неполного кодирования внутренне противоречиво по тем же причинам, что и противопоставление буквальной и небуквальной интерпретации.

В этой же главе содержится декларация сути предлагаемого подхода к языку – философской грамматики. Это определенный способ анализа сложных значений, центральным для которого является вопрос о взаимодействии формы и содержания и условиях осмысленности. Языковые значения не являются ни результатом наложения формальных структур на бесформенное содержание, ни результатом выражения автономно от языка существующих концептуальных структур, а результатом взаимодействия формальных и концептуальных структур.

В г л а в е 4 анализируются условия осмысленности языковых выражений. Анализ условий осмысленности позволяет вскрыть наивную онтологию, лежащую в основе языковой семантики. Условия осмысленности в нормальном случае не осознаются говорящими, хотя некоторые ситуации заставляют их осознавать. Так, можно себе представить взрослого, объясняющего ребенку, что дерево, когда его пилят, не чувствует боли, и потому невозможно сказать, что досочке больно. Небуквально интерпретируемые высказывания также могут заставить осознавать критерии осмысленности.

Критерии осмысленности можно рассматривать, во-первых, как независимые от языка ограничения на комбинацию концептов и в качестве таковых влияющие на языковые структуры и, во-вторых, как ограничения на языковую сочетаемость, лишь частично обусловленные внеязыковой реальностью. Согласно Пранди, ни то, ни другое представление не является полностью правильным, вследствие того, что критерии осмысленности могут быть определены независимо от языка и затем рассматриваться как априорные условия на правильность языковых выражений. В лингвистике существует несколько традиций анализа критериев осмысленности. Существует традиция дистрибутивного анализа, представленная работами [Harris 1946] и [Wells 1947]. В этой традиции критерии осмысленности анализируются на основе совместной встречаемости слов в одном контексте и попадания/непопадания в один и тот же дистрибутивный класс. После того, как выделены крупные дистрибутивные, то есть грамматические, классы, дистрибутивный анализ позволяет выделить более мелкие классы, принадлежность к которым мотивируется как синтаксически, так и семантически.

В традиции порождающей грамматики основное внимание критериям осмысленности уделялось Хомским [Chomsky 1957], противопо-

поставившим синтаксически правильные, но не удовлетворяющие критериям осмысленности выражения (*Colorless green ideas sleep furiously* 'Бесцветные зеленые идеи яростно спят'), синтаксически неправильным предложениям (*Furiously sleep ideas green colorless* 'Бешено зеленые идеи бесцветные спят'). Чтобы описать селективные признаки (selection restrictions), вводятся, кроме деления на синтаксические категории, такие семантические категории, как абстрактный/конкретный, живой/неживой (animate/inanimate), человек/нечеловек (human/nonhuman), а также семантико-синтаксические категории, характеризующие управление глаголов.

В когнитивной семантике селективные признаки определяются, как правило, как ограничения на совместную встречаемость языковых единиц, налагаемые на их означаемые – составляющие сложных значений – структурой прототипических схем (schemata) действий и событий, известных носителя языка из опыта.

Глава 5 посвящена структуре наивной онтологии. Автор считает, что наивная онтология дана нам в опыте. Такие онтологические категории, как абстрактное/конкретное, живое/неживое, человеческое/нечеловеческое, согласно Пранди, не лингвоспецифичны. В том, что касается категорий живое/неживое и человеческое/нечеловеческое наивная онтология носителя английского языка устроена иначе, чем онтология носителя русского языка: в английском языке о животных, если они не персонафицируются в специальном контексте, надо говорить *it* (это), а не *he/she* (он/она). (В русском языке животные попадают в ту же категорию, что и люди – живое.) Пранди отмечает, что имеет смысл исследовать вопрос о том, в какой степени наивная онтология связана с грамматическими структурами.

Скелет наивной онтологии включает следующие классы: индивиды (individuals) и классы индивидов, вещества и представители класса веществ (masses and instances of masses), а также процессы и свойства, места в которых могут замещать члены предьдущих категорий. Свидетельством в пользу того, что онтологические категории связаны с грамматическими структурами, является тот факт, что деление на онтологические категории частично совпадает с делением на части речи. С функциональной точки зрения, выражение процессов и свойств существительными является языковым средством помещения их в топикальную позицию. Каждая онтологическая категория имеет онтологически определенное ядро денотатов и онтологически размытую, негомогенную периферию.

Задачей реляционного компонента наивной онтологии является определить, как процессы и свойства сочетаются с индивидами и

веществами, входящими в процессы в качестве составляющих ролей, в результате чего формируются предложения.

В главе 6 обсуждается природа лексической информации и селективных признаков. Общепринятая (отражаемая учебниками по семантике) точка зрения состоит в том, что селективные признаки – это семантические структуры. Заявление о семантической природе селективных признаков имеет не совсем ясный смысл, пока не уточнена природа лексикона и семантических фактов/концептов. Под семантическими фактами могут пониматься факты двойкой природы: когнитивные универсалии, независимые от границ конкретной речевой общности, и некоторые конкретно-языковые конфигурации. Автор считает, что важная функциональная информация чаще бывает универсальной.

Концептуальное содержание слова и его значимость в сосюровском смысле определяется на основе парадигматических и синтагматических оппозиций в результате процедуры, напоминающей фонологический анализ. Идея внутрисистемной значимости языковых единиц может быть развита в двух направлениях. Во-первых, можно попытаться определить замкнутое множество лексем, близких по смыслу к описываемой лексеме (лексическое поле). Во-вторых, лексические отношения (антонимия, синонимия, конверсия и гипо-/гиперонимия), в которые вступают лексемы, принадлежащие лексическому полю, выходят за пределы поля и существенны для описания семантики лексем внутри поля. Лексические поля, как и сами лексемы, могут вступать друг с другом в парадигматические отношения (более высокого порядка).

Кроме парадигматических, лексемы вступают в синтагматические отношения, называемые лексическими солидарностями, например, в парах собака – лаять, лев – рычать, кошка – мяукать. Лексические солидарности, как и лексические поля, могут вступать друг с другом в отношения парадигматической оппозиции.

При определении значения лексемы анализируются дифференциальные отношения этой лексемы с близкими по смыслу лексемами. Критерием важности некоторого концептуального различия является его формальное выражение. Этот постулат впервые был сформулирован Ельмслевым [Hjelmslev 1943] и назван коммутацией плана содержания и плана выражения. Тот факт, что между лексемами существуют корреляции в плане выражения, является основанием для выделения смысло-различительных атомов в плане содержания. Эта основная предпосылка компонентного анализа включает несколько сопутствующих

предпосылок, которые можно проверить. Первая из них состоит в том, что возможность компонентного анализа принимается как аксиома для лексем всех лексических полей. Вторая предпосылка сводится, по Пранди, к тому, что описание значения лексемы содержит лишь пучок различительных признаков, отличающих ее от близких лексем. Первая предпосылка неверна, согласно Пранди, потому что кроме таких полей, как *sheep* (овца без дифференциации по полу), *ram* (баран) и *ewe* (овца женского пола), где имеется гипероним и гипонимы, каждый из которых соответствует одному из значений ясно сформулированного дифференциального признака, имеются "плохо" организованные поля. Например, тройка глаголов *breathe* (дышать), *drink* (пить) и *eat* (есть), обозначающих процессы, без которых человек не может жить. В этом поле отсутствует лексема-гипероним и трудно описать смысловые оппозиции между членами поля. Можно возразить, что если значения слов противопоставляются более чем по одному ясно просматриваемому признаку, это еще не значит, что между ними нельзя усмотреть смысловые оппозиции.

Рассматривая вторую предпосылку компонентного анализа – отождествление толкования/определения значения и дифференциальных признаков, Пранди делит значения на эндоцентрические и экзоцентрические. К сожалению, природа этого противопоставления остается не вполне ясной. Экзоцентрические концепты, как их определяет автор – это концепты, данные нам не только в языке, но и во внеязыковом опыте. Такие концепты могут получать дифференциальные определения, а также субстантивные (*substantive*) определения, описывающие значение в позитивном отношении. Эндоцентрические концепты даны нам в языковом опыте и поддаются лишь дифференциальному толкованию. Существует, таким образом, три вида определений значения: дифференциальные и субстантивные определения экзоцентрических концептов и дифференциальные определения эндоцентрических концептов. В качестве примера дифференциальных толкований экзоцентрических концептов приводятся данные в работе А. Вежбицкой [Wierzbicka 1988] толкования английских слов *pebble* (камушек, галька), *stone* (камень) и *rock* (крупный камень, скала). Остается неясным, в каком смысле концепты, соответствующие этим трем английским словам, не имеющие точных аналогов, например, в русском языке, являются экзоцентрическими, то есть данными нам во внеязыковом опыте. Вероятно, имеется в виду, что все три слова обозначают предметы.

При описании имен естественных родов (*natural kinds*), согласно Пранди, часто приходится обращаться к субстантивному типу описания значения из-за того, что эти имена не образуют пар, соответствующих прозрачным бинарным оппозициям. Признавая, что смысловоразличительными для слова *carrot* 'морковь' являются признаки цвета и формы, Пранди, из-за того, что не существует овоща, отдельно противопоставленного моркови по цвету и отдельно по форме, делает вывод о необходимости обратиться к внеязыковому опыту, чтобы установить значимость этих признаков. Это понимается как указание на то, что концепт экзоцентрический. Можно возразить, что существует много названий овощей, значения которых противопоставлены значению слова *carrot* одновременно по форме и цвету. Если говорить о противопоставлении предметов, а значений обозначающих их слов и рассматривать семантически сложные признаки, логические основания для противопоставления дифференциальных и субстантивных толкований снимаются.

Определения, данные в книге [Lehrer 1974], гипонимам слова *kill* 'убивать' рассматриваются как дифференциальные определения эндоцентрических концептов.

Вопросы лексической семантики являются для Пранди вспомогательными, так как он интересуется не семантикой, а ее функцией в том виде, как ее сформулировал Ч. Филмор [Fillmore 1977]: определить тот вклад, который каждая лексема вносит в интерпретацию текста.

Определяя природу лексических концептов, Пранди цитирует Ю.Д. Апресяна [Apresjan 1992: 141]: "задача лексикографа, если он не хочет превратиться в энциклопедиста, состоит в открытии наивной картины мира, скрытой в лексических значениях и представлении ее в толкованиях".

В главе 7 рассматривается вопрос о том, чем являются критерии осмысленности: ограничениями на лексическую сочетаемость, подобными лексическим солидарностям, или когнитивными структурами. Различие между критериями осмысленности и лексическими солидарностями состоит в том, что первые обеспечивают семантическую правильность сложных значений, а вторые могут нарушаться без нарушения семантической правильности (**карие волосы*, **лев мяукает*).

В главе 8 критерии осмысленности рассматриваются как пресуппозиции. Пресуппозициями критерии осмысленности являются в том смысле, что, как истинность пресуппозиции, выполнение критерия осмысленности является необходимым условием семантической правильности языкового выражения. Пресуп-

позицией высказывания *Я одолжу тебе велосипед* является 'у меня есть велосипед'. Ответы на вопрос сохраняют его пресуппозицию [Ducrot 1972].

Основное пресуппозициональное отношение, по Пранди, существует между человеком и пропозицией, истинность которой он принимает. Для того, чтобы пресуппозиция выполняла свою функцию, необходимо, по Пранди, чтобы пресуппозиции говорящего разделялись слушающим. Пресуппозиции говорящего в речевом акте, называемые прагматическими, и пресуппозиции языковых структур имеют разную природу, и ограничения на их разделение в эффективном общении разные.

Пранди выделяет два слоя пресуппозиций: дискурсивные и естественные пресуппозиции человеческого поведения. В высказывании *Я одолжу тебе велосипед* дискурсивной пресуппозицией является 'у меня есть велосипед', а естественной пресуппозицией тот факт, что адресат является человеком.

Языковым выражением критериев осмысленности является множество пропозиций, таких, как 'кусочек дерева не может испытывать боль и говорить', 'можно обращаться только к одушевленному объекту'. Поскольку критерии осмысленности в нормальном случае не осознаются, их экспликация является нетривиальной задачей [Husserl 1901].

В главах с девятой по двенадцатую рассматриваются представления сложных значений, соответствующих простому и сложному предложению, и интерпретация тропов.

В главе 9 рассматривается простой процесс. Ядро процесса, по Пранди, образовано предикатом и его обязательными аргументами, которые нельзя опустить, оставив предложение правильным. Существует периферийная часть процесса, образованная необязательными аргументами. Какова граница между ядром процесса и синтаксически необязательными аргументами, остается неясным. Согласно Пранди, роли, которые могут быть выражены за пределами предложения, являются периферийными. Однако даже субъект действия, и это отмечается, при пассивизации предложения перестает быть синтаксически обязательным. Обязательные роли могут быть не выражены при эллипсисе. Пранди как будто разделяет тот взгляд, что набор ролей определяется анализом ситуации. С этой точки зрения, некоторые обязательные роли могут не выражаться по синтаксическим причинам: **красить стену кисточкой краской*.

Рассматривая предлоги, Пранди отмечает, что предлог может быть чисто грамматическим словом или словом с полноценным лексическим значением. В первом случае предлог

контролируется глаголом и выполняет формальную функцию – кодирует семантически пустое отношение между глаголом и дополнением. Согласно Пранди, обычно даже в этом случае предлог можно выбрать из нескольких возможных. Смена предлога соответствует смене модели управления и значения глагола. Когда предлог обладает полноценным лексическим значением, предлог выбирается независимо от предиката и определяет роль предложного дополнения. Предлогам первого типа соответствует реляционное кодирование, а второго – точечное.

Примером реляционного кодирования является дополнение глагола *comply* (удовлетворять требованиям), присоединяемое предлогом *with* (с): *New cars must comply with high standards* 'Новые машины должны удовлетворять высоким стандартам'. Пранди считает, вразрез с принятой точкой зрения, что предложное дополнение здесь можно считать вариантом прямого дополнения, поскольку оно связано с глаголом. В случае точечного кодирования, используемого при выражении пространственных и инструментальных дополнений, выбор предлога [например, выбор между *in* (в), *near* (около), *in front of* (перед)] обуславливается его лексическим значением.

Две роли – место при глаголах состояния и цель направленного движения – принадлежат, согласно Пранди, ядру процесса, ведут себя как периферийные. Автор считает, что эти роли, будучи не определенными в предложении, ощущаются как недосказанность, то есть принадлежат ядру процесса. С точки зрения кодирования, место и цель движения являются сирконстантами – они выражаются с помощью тех же предлогов, что и другие пространственные обстоятельства. Роли – места и цели, по Пранди, принадлежат ядру процесса, но лежат за пределами функционального ядра. Говорить о статусе роли места при глаголах состояния и цели движения вообще невозможно: при разных предикатах эти роли имеют разный статус.

Некоторые периферийные, по Пранди, роли – инструмент, второго агента (*coreformer*), реципиента и цель действия за пределы предложения в английском языке вынести нельзя. Правильно *Don cut the firewood with an axe; with William; for John; for cooking meat* (Дон рубил дрова топором; с Вильямом; для Джона; чтобы готовить мясо), неправильно *Don cut the firewood. *He did it with an axe; with William; for John; for cooking meat* (Дон рубил дрова. Он делал это топором; с Вильямом; для Джона; чтобы готовить мясо). Представляется, что степень недопустимости этих предложений в английском языке, как и в русском, различается (хуже всего – первое, остальные являются вполне до-

пустимыми), что отражает разный статус ролей. Роль реципиента в процессе 'рубить' имеет иной статус, чем в 'дарить'.

В главе 10 рассматриваются связи между простыми предложениями в сложном – соединении двух или более простых процессов в сложный процесс. Выражение связей между простыми процессами в сложном возможно с помощью разных средств. "Мост" между простыми процессами может находиться внутри предложения или за его пределами. Например, в паре предложений *The fields are green. It rained heavily* (Поля зеленые. Шел сильный дождь) с помощью соединяющего вывода выражается та же концептуальная связь, что и в предложении *The fields are green because it rained heavily* (Поля зеленые, потому что шел сильный дождь). Возможность соединяющего вывода такого типа в устной речи поддерживается особой интонацией, объединяющей оба предложения, но не обуславливается ею целиком, поскольку при чтении объединяющий вывод тоже возможен.

Анализируя сложный процесс, Пранди противопоставляет причину и мотив действия. Хотя причина и мотив действия могут выражаться с помощью одного и того же предлога *because* (потому что), мотив характеризует человеческие действия, а причины – происходящие в мире события, по отношению к которым человек выступает зрителем. Причина находится в прошлом по отношению к событию, а мотив может совпадать по времени с действием или находиться в будущем: *I took the umbrella because it was going to rain* (Я взял зонтик, потому что собирался дождь). В этом примере мотивом действия является не дождь, а тот факт, что субъект хотел его избежать, и, значит, мотив предшествует действию. Может ли мотив (или цель) предшествовать действию, в принципе кажется неясным: если рассматривать как мотив не положение вещей, которое может находиться в будущем и обуславливает действия субъекта, а то, чего хочет субъект, мотив всегда может рассматриваться как предшествующий действию.

С смысловой точки зрения естественно считать, что причина является родовым понятием по отношению к мотиву.

Пранди отмечает, что только причина, но не мотив действия может вводиться с помощью *it happened* (это произошло). Правильно *The house caught fire. It happened because there was a short-circuit* (Дом загорелся. Это произошло, потому что случилось короткое замыкание), но не *Mark bought a new car. *It happened because the old one was damaged* (Марк купил новую машину. *Это произошло, потому что старая сломалась).

В главе 11 описываются тропы – оксюморон, метафора, метонимия и синекдоха – с точки зрения критериев осмысленности. Тропы представляют собой конфликтующие значения, неосмысленные при буквальной интерпретации, которые требуют специальных стратегий интерпретации. Автор считает, что при интерпретации метафоры конфликт между значениями не снимается, а участвует в интерпретации, а при интерпретации метонимии это не так: конфликт между значениями исчезает, когда в семантическое представление языкового выражения, содержащего метонимию, подставляется парафраз метонимии. В некоторых случаях возможно несколько конкурирующих интерпретаций. В предложении *They sleep, the mountain peaks* (Они спят, горные вершины) *the mountain peaks* "горные вершины" может пониматься как метонимия, согласно Пранди, и обозначать людей, живущих на вершинах гор. В этом маловероятном случае не возникает нарушения критериев осмысленности и конфликт между значениями разрешается. Если же *they sleep, the mountain peaks* интерпретируется как метафора, что поддерживается контекстом, конфликт между значениями не разрешается.

Автор предлагает типологию конфликтующих значений. В этой типологии противопоставление оксюморона другим тропам метафоре, метонимии и синекдохе основано на противопоставлении противоречия (*contradiction*) нарушению критериев осмысленности. Оксюморон соответствует противоречию, а метафора, метонимия и синекдоха – нарушению критериев осмысленности. Противоречие, лежащее в основе оксюморона (например, *Этот камень горячий и холодный*) основано на парадигматических оппозициях входящих в него лексем, имеющих взаимоисключающие смыслы, и становится явным при экспликации этих смыслов. Метафора, метонимия и синекдоха основаны на противоречии на уровне пресуппозиций, которое ощущается как нарушение критериев осмысленности. Если про горы говорится, что они спят, то нарушается пресуппозиция одушевленности субъекта, соответствующая глаголу *сnamb*. Для метафоры *the moon smiles* (луна улыбается) Пранди эксплицирует эту нарушенную пресуппозицию следующим образом: луна, которая не человеческое существо, улыбается, что имеет пресуппозицию, что субъект – человеческое существо.

Рассматривается дистрибуция метафоры, метонимии и синекдохи по разным конструкциям. Метафоре, с одной стороны, и метонимии и синекдохе, с другой стороны, соответствуют разные предпочтительные способы выражения. Метонимия и синекдоха, по Пранди,

выражаются в английском языке предложениями структуры *A is B* (где *A* – замещаемое значение, а *B* – замещающее) или посредством выражения *B*, при опущенном члене *A*. В действительности, выражение метонимии и синекдохи предложениями структуры *A is B* крайне нехарактерно. Из-за того, что метонимии и синекдохе соответствуют регулярные модели переноса, член *A* может и обычно отсутствует в предложении.

Метафора может выражаться разными грамматическими средствами (для английского языка подробно описанными в книге [Brooke-Rose 1958]), из которых Пранди подробно рассматривает глагольную метафору. Возвращаясь к метафоре *they sleep, the mountain peaks*, автор утверждает, что возможны две ее интерпретации. Первая из них состоит в том, что горы находятся в состоянии, которое рассматривается как состояние, похожее на обозначаемое глаголом *sleep*. Вторая интерпретация состоит в том, что горы рассматриваются как нечто одушевленное, и об этом одушевленном объекте утверждается, что он спит. Представляется, что две эти интерпретации являются, в сущности, одной, потому что при метафоре такого рода один процесс проецируется на другой, включая роль субъекта. Возможна проекция других ролей, хотя автор не отмечает этого. Например, в английской метафоре *to build meaning with blocks of words* (строить значение из кубиков слов) на некоторый процесс, языковое выражение которого отсутствует в тексте, проецируется процесс ‘строить’, и, вследствие этого, слова уподобляются кубикам. Генетивную метафору *the blocks of meaning* интерпретировать можно, если знать, что кубики являются материалом в процессе ‘строить’. В другом месте, противопоставляя реляционную [*the colour of my dreams* (цвет моих снов)] и точечную [*this girl is a nightingale* (эта девушка – соловей)] метафору, Пранди признает, что сеть отношений, соответствующая реляционной метафоре, переносится из одной области на другую.

Говоря о возможных интерпретациях метафоры, Пранди утверждает, что метафора не есть аналогия, потому что не всегда ясно, что является основанием аналогии. С другой стороны, говоря, что один объект рассматривается (*is seen*) как другой или проецируется на другой, автор признает, что между ними усматривается аналогия. Ссылаясь на [Richards 1936], Пранди признает, что вопрос об основаниях для аналогии может быть открыт и решаться по-своему каждым слушающим. Однако для того, чтобы интерпретировать метафору, нужно предположить, каковы могут быть эти основания (почему о горах говорится, что они

спят), в противном случае метафора остается несмысленным выражением. Возможно, такая гипотеза не является разрешением конфликта между значениями (конфликтующие значения по-прежнему присутствуют в сознании говорящего), однако неясно, как представлять конфликт между значениями, и автор не предлагает решения этого вопроса. Гипотеза о возможных основаниях аналогии или проецирования одного значения на другое в метафоре может поддерживаться грамматической формой метафоры.

В главе 12 содержатся заключительные замечания. Целью рецензируемой книги является не столько эмпирическая работа, сколько уяснение и формулировка условий на выражение и конструирование значений и взаимодействие между этими двумя процессами. Задачей эмпирического анализа остается описание того, как значения, выражаемые лексическими и грамматическими структурами, взаимодействуют между собой и с процессом вывода в различных языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Apresjan 1992 – Yu.D. Apresjan. Lexical semantics. Ann Arbor, 1992.
Brooke-Rose 1958 – C. Brooke-Rose. A grammar of metaphor. London, 1958.
Bühler 1934 – K. Bühler. Sprachtheorie. Jena, 1934.
Chomsky 1957 – N. Chomsky. Syntactic structures. The Hague; Paris, 1957.
Ducrot 1972 – O. Ducrot. Dire et ne pas dire. Paris, 1972.
Fillmore 1977 – Ch. Fillmore. Topics in lexical semantics // R.W. Cole (ed.). Current issues in linguistic theory. Bloomington, 1977.
Harris 1946 – Z. Harris. From morpheme to utterance. Language. V. 22. 1946.
Hjelmslev 1943 – L. Hjelmslev. Prolegomena to a theory of language. Madison, 1943.
Husserl 1901 – E. Husserl. Logical investigations. London, 1901.
Lehrer 1974 – A. Lehrer. Semantic fields and lexical structure. Amsterdam, 1974.
Richards 1936 – I.A. Richards. The philosophy of rhetoric. Oxford, 1936.
Sperber, Wilson 1986 – D. Sperber, D. Wilson. Relevance. Communication and cognition. Oxford, 1986.
Wells 1947 – R. Wells. Immediate constituents. Language. V. 23. 1947.
Wierzbicka 1988 – A. Wierzbicka. The semantics of grammar. Amsterdam; Philadelphia, 1988.